

**НЕМЕЦКИЕ ПОЭТЫ
XVII—XX веков**

**АНГЕЛУС СИЛЕЗИУС
1624—1677**

ХРИСТОС — СЫН БОЖИЙ

Я тоже Божий сын, я — на Его деснице;
Бог весть: дух, плоть Его и кровь — во мне хранится.

НЕ ХВАТАЕТ ТОЛЬКО ТЕБЯ

Коль в ясли превратить я б сердце твое смог,
То из ребенка в них еще б раз вырос Бог.

БЕЗ ВОПРОСОВ

Цветок — цветет. В том всё и больше ничего.
Не видит — ни себя, ни — видят ли его.

ТВОЯ ТЮРЬМА — ТЫ САМ

Не мир — тюрьма. Ты сам себе назначил плен:
Ведь мир — ты сам; и сам из сих не выйдешь стен.

ПАУЛЬ ФЛЕМИНГ 1609—1640

ГРАДУ МОСКВЕ смотря издали на его золоченые главы

Царица всей Руси, преславная столица,
Когда на злато глав уж издали я зрю,
Я мыслю лишь о том, с тем — сердцем — говорю,
По чем томиться мне, с чем злату не сравниться.

То злато кос ее, средь жен твоих царицы,
Прекраснейшим лицом похожей на зарю.
Пленен ее красой, любовью к ней горю —
Владычице души здесь выпало родиться.

Тебе, о дивный град, я петь хвалу дерзал,
Хоть ты превыше всех и гимнов и похвал
Величием своим, скрепившим Русь святую;

Но дочь твою узнав, узрев ее красу,
Стократ тебя за то теперь превознесу,
Что здесь послал мне Бог любовь мою большую.

ТЕОДОР КЁРНЕР 1791—1813

МОСКВА

Как злато куполов твоих сияет,
Как блещут, славный град, твои палаты,
Когда в лучах рассвета иль заката
Всю эту пышность очи озирают!

Но граждане твои под гул набата
На кров родимый руку поднимают —
Твои дворцы и храмы поджигают,
И ты пылаешь, пламенем объятый.

О гордый град, теперь во прах простертый!
Как древле Феникс, бросился в костер ты.
Но ты опять воскреснешь, величавый,
Ты возродишься в блеске новой славы.

Уже святой Георгий-копьеносец
Взметнул копье. А он — победоносец!

ЙОХАННЕС БЕХЕР 1891–1958

ПОЛЕ БИТВЫ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Здесь мозг, и кровь, и бывшие кишки —
Как будто мира голого изнанка.
Но вот отрез сукна среди останков,
А вот — глядишь — и целые очки.

Вот патефон, пластинки дребезжат...
О жуть — смотреть на эту барахолку,
Где продавцы — разорваны осколком
Иль танком проутюжены — лежат...

Я видел их, надоенных свинцом,
Нашедших свой конец в полях России;
Смерть наделила всех одним лицом.

Снег застилал окрестности степные
И раны закрывал простертым тут...
Вершила здесь история свой суд.

ХАЙНРИХ ХАЙНЕ
1797—1856

ЖЕНЩИНА

Любовь их большая-большая свела.
Он — вором, она — полушлюхой слыла.
Коль с краж приносил он немало, —
Она — прыг в постель — хохотала!

В забавах-пирах пролетало житье,
Ночами ласкал-миловал он ее...
Тюрьма по нему стосковала...
Как брали — она хохотала!

Он весточку шлет: «По тебе я томлюсь.
Пришла бы — развеяла горе да грусть.
Лишь ты у меня... Всё пропало...»
Она — прочитав — хохотала!

И вскоре в петле в 6 утра он висел,
А в 7 уж в могиле своей каменел...
А в 8 — она, как бывало,
С другим уж пила... Хохотала!

СТЕФАН ГЕОРГЕ
1868—1933

* * *

Парк, скажут, мертв. Но разве он таков?
Он от сиянья дальнего светлее:
нечаянная синь от облаков
живит пруды и пестрые аллеи.

С берез возьми — глубокой желтизны,
со старых буков — мягкой седины.
Куст поздних роз еще не занемог —
их поцелуй и свей из них венок.

Последних астр смотри не забывай,
ни рдянца диких лоз в их дреме сонной,
и всё, что здесь от жизни есть зеленой,
легко в лик бледной Осени вплетай.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ
1875—1926

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Грань лету положи, Господь (пора!),
свет солнечным часам недодавая
и отпуская все в простор ветра.

Плодам последним будет пусть дано
еще два дня пожарче — чтоб дозрели,
их подтолкни — чтоб в сладости сомлели,
и тяжесть завершенья влей в вино.

А кто бездомен — будет им вовек,
кто одинок — вовек таким пребудет,
за чтением, в тоске, себя забудет,
за письмами, — и не смыкая век,
в пурге листвы кружить в аллеях будет.

АЛЬФОНС ПЕТЦОЛЬД
1882—1923

ПЕСНЯ БОГАТЫХ

Мы хлеб — за трудяг поедаем,
все ночи за них напролет
мы пляшем и слепо ступаем
по золоту — словно бы вброд.

Мы мясо какое б ни ели —
стать камнем ему тот же час,
и уксусом сладости хмеля
становятся в глотках у нас.

Мы — те, кто на пух возлегает,
чей отдых прохлады свежат;
но жесткость бока ощущают
и душно средь этих прохлад.

Мы вопли возносим до неба
из бездны златых наших бед, —
и видится нам: просит хлеба
бедняк, что в отрепья одет.

КУРТ БАРЧ 1937—

ЗАВТРАК

Я разбил наш кофейник.
Не в силах сдержать содержимое,
он скатерти отдал его.

И рука моя и я — испугались.
А вот сын, молоко попивая,
смеялся и был мной доволен.